

шенно противоположны духу Евангелія. Самыя христіанскія государства содержать миллионныя арміи для массовыхъ убійствъ, то сосѣднихъ чужеземцевъ, то своихъ собственныхъ, недовольныхъ насильственными порядками гражданъ. На чудовищныя людобойни, на орудія истребленія высасываются послѣднія соки изъ одураченнаго населенія. Массовыя убійства возведены въ науку, стали предметомъ военного искусства. Искусства убивать. — Чѣмъ эти взаимоотношенія христіанскихъ народовъ отличаются отъ международныхъ отношеній сѣдой языческой древности? — Чѣмъ отъ язычества отличаются и отношенія государствъ къ своимъ гражданамъ? Правительства насильничаютъ надъ странюю, угнетаютъ населеніе. Цари смотрятъ на государства, какъ на свое помѣстье. На народы, — какъ на свои стада. Не сами служатъ населенію, а требуютъ отъ народа службы себѣ». — Могъ-ли христіанинъ обратиться къ власти съ такими укоризнами, возбуждающими недовольныхъ къ бунту противъ нея? А Гр. Петровъ не только считаетъ себя истиннымъ христіаниномъ, но былъ и священникомъ!.. Любовь-ли говоритъ его устами? Добра-ли онъ желаетъ, уговаривая распустить арміи, отказаться отъ всякаго принужденія въ отношеніи тѣхъ, которые, какъ и онъ самъ, Гр. Петровъ, преисполнены не любовью, а ненавистью, толкающею ихъ на насилія, которыя ими тотчасъ-же и совершаются, лишь только это представляется возможнымъ. И самъ Гр. Петровъ не ограничился-бы, — несомнѣнно, — только бранью, какъ теперь, на митрополита Антонія, правящее духовенство, самодержавнаго Царя нашего, если-бы имѣлъ силу. Нельзя не отмѣтить въ приведенномъ отрывкѣ слѣдующей передержки: — *„правительства насильничаютъ надъ странюю, угнетаютъ населеніе. Цари смотрятъ на государства, какъ на свое помѣстье“* и проч. Любовь-ли (еще разъ спросимъ), въ которой вся суть христіанства*) говорила въ Гр. Петровѣ, когда онъ, начавъ говорить о *„правительствахъ“*, все свелъ на *„царей“*, въ сущности на одного Царя нашего русскаго, православнаго, который будто-бы смотритъ на подчиненные ему народы, *„какъ на свои стада. Не самъ служитъ населенію, а требуетъ отъ народа службы себѣ.“* Гр. Петровъ забылъ, очевидно, что христіане, освободившись отъ закона, освободились не для того, чтобы исполнять *„свою волю“*, а для того, чтобы *„служить Богу“* (Римъ. VII, 6); забывъ это, Гр. Петровъ не знаетъ и едва-ли пойметъ истинное отношеніе Царя къ народу, отношеніе, заложенное въ основѣ нашего русскаго — православнаго самодержавія; по русски, по православному *„ни царь для народа, ни народъ для царя, а царь вмѣстѣ съ народомъ становится исполнителемъ воли Бога въ дѣлѣ Божіемъ“*, какъ это говорится на стр. 355-й Философіи Общаго Дѣла въ статьѣ *„Самодержавіе“* (произведеніе Н. Ѳ. Федорова, вышедшее въ 1907 году въ г. Вѣрномъ). Если-бы Гр. Петровъ не забылъ о долгѣ служить Богу, и только Богу, онъ не сталъ-бы говорить ни о службѣ царя населенію (или народу), ни о волѣ народа, вмѣсто которой „стремятся“ будто-бы „поставить свои желанія, капризы, часто безудержную

*) Ибо любовь жидотворитъ, а ненависть все мертвитъ.